

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Серия «Книги Михаила Веллера»

*Оформление обложки Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

Веллер, Михаил.

В27 Заговор сионских мудрецов / Михаил Веллер. —
Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Книги
Михаила Веллера).

ISBN 978-5-17-122100-3

Сборник повестей и рассказов Михаила Веллера о необыкновенных и даже фантастических происшествиях, ломающих нашу повседневную действительность и дающих счастливый шанс на новую жизнь.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ИСПОВЕДЬ ЛЮБОВНИКА ПРЕЗИДЕНТА

ИСПОВЕДЬ ЛЮБОВНИКА ПРЕЗИДЕНТА

«Дожили...» Вот единственная мысль — если только это банальное выражение сокрушенных эмоций можно облечь в гордое слово «мысль», — которая возникает при чтении первых же страниц этой книжицы, чтобы не покидать читателя уже до конца.

Слава богу, что издание лишено фотографий. Но и без них четыреста страниц дешевой бумаги, скрепленных скверным клеем и вышедших в некоем сомнительном Средне-Уральском Книжном Издательстве (чего стоит уже одна аббревиатура!..), стали очередным скандальным бестселлером, выделяющимся низкопробностью даже на общем фоне сегодняшней макулатуры, захлестнувшей книжные лотки.

Читатель, видимо, уже догадался, о чем речь. В наше время лишенной малейшего намека на застенчивость по-вальной рекламы женских гигиенических средств и контрацептивов, когда телеэкран поощряет семейное застолье об-

суждением проблем менструации, название книги кричит само за себя. Все на продажу, деньги не пахнут, грязное белье как знамя борьбы за славу и высокие гонорары.

Содержание книги, как всех подобных «произведений», крайне несложно и в принципе совершенно предсказуемо — хотя в то же время абсолютно непредсказуемо в умопомрачающих деталях, на чем и строится нехитрый коммерческий расчет автора и издателя. Президент, как вы понимаете — это не президент какой-то фирмы или банка. Элементарный такт диктует нам ограничиться вынесенной в заголовок книги должностью того, о чем любом чихе много лет ежечасно оповещали экраны телевизоров и страницы газет. На всякий чих, как говорится, не наздравствуешься, но мимо данного чиха на все приличия пройти без внимания невозможно.

Фамилия автора — Голобоков — в Сибири достаточно распространена. Как распространено и всплывание в последние годы бывших комсомольских работников в качестве директоров разных фирм и фирмочек, фондов, банков и издательств. К тексту явно приложил руку журналист провинциальной школы. Ибо в истории советской и постсоветской литературы неизвестен ни один случай самостоятельного написания даже простейшей брошюры кадровым комсомольским деятелем — в то время как обороты типа «усталые, но довольные», «теплая рука матери», «добрые усталые глаза учительницы (майора, рабочего, директора)» ковались в областных и районных кузницах профессионалов пера.

Итак, юный пионер Саша Голобоков естественным путем эволюционирует в юного комсомольца, носящего то же имя. Он хорошо учится, занимается спортом и мечтает быть в авангарде борьбы за счастье всего трудящегося человечества. И в восемнадцать лет, еще допризывником, став

после школы освобожденным инструктором райкома комсомола, делегируется на съезд ВЛКСМ в Москву. Пока ничего интересного — стандартные мемуары, которыми были в свое время забиты все историко-партийные редакции областных издательства. Видимо, автору очень дороги ностальгические детство и юность, «чистоту» и «романтичность» которых он неоднократно подчеркивает, если только в четвертой главе он переходит к тому, ради чего, собственно, и написана книга.

После торжественного открытия и первого дня действия в Кремлевском Дворце Съездов следует вечерний банкет. Мелочь вроде райкомовских инструкторов и совхозных передовиков сгруппирована в углу, вазочки с икрой там расставлены на столах пореже, а этикетки на водочных бутылках наклеены подешевле. И однако обилие и изысканность трапезы, а главное — замкнутая, кастовая избранность общества, к которому оказался причастен юноша, наполняет его сакральным чувством участника тайной вечери. Чувство это празднично дополняется тем фактом, что в гостиничном номере каждого делегата ждет съездовский сувенир: кожаный дипломат, нейлоновая сорочка и ондатровая шапка — джентльменский набор молодежи той эпохи.

Тут-то, падла, все и начинается. Традиционным языком литературной рецензии диковатый кайф дальнейшего передать в нюансах невозможно.

Этот пир хищников, каковыми считают себя присутствующие шавки, открывается застольной речью первого секретаря ЦК комсомола товарища Грузильникова. Кто помнит, товарищ Грузильников отличался тем, что обращаясь в телевизоре к очередному кадавру Политбюро, он своеобразно оттопыривал зад. Зад у комсомольского вожака страны был какой-то немужской — круглый и выпуклый, и прогиб позвоночника над ним выражал верноподданность

не идеологического, а какого-то личного и даже интимного характера. В особенной плавности прогиба являла себя не столько даже преданность слуги, но скорее признательная готовность содержанки.

Ответный тост от имени как бы юных и сравнительно простых комсомольцев произнес юный токарь из Кременчуга. И Голобоков обратил внимание, что прогиб его поясницы и положение ягодиц совершенно копирует манеры товарища Грузильникова перед вышестоящими. Образ поведения босса перенимается подчиненными, это вещь обычная и понятная.

Так же обычно и понятно было, что в ходе банкета товарищ Грузильников стал расхаживать между столов, обнимая за плечи делегатов и чокаясь с ними своим фужером. И вот — о судьбоносный миг! — он подошел к столику нашего героя.

Прекрасно описано тут, кто бы ни был реальный автор книги, умение номенклатурщиков при желании быть обаятельными и свойскими, снимая всякое напряжение и убирая дистанцию между собой и нижестоящим собеседником. Голобоков радостно хлопнул полный фужер, был крепко обнят и трижды поцелован вожакom, и вскоре окосел, паря в эйфории, (ударение в слове «паря» может быть поставлено на любом месте).

Товарищ Грузильников проявил дружеский интерес к его житью-бытью и после минутного разговора, похлопав по спине, продолжил свое движение по гудящему все оживленнее залу. К обласканному высоким вниманием Голобокову потянулись люди, приватные тосты учащались, и сознание нашего героя зафиксировало окончание вечера, когда рослый симпатяга секретарско-телохранительского вида покровительственно сообщил, что товарищ Грузильников приглашает его в свой узкий круг для продолжения вечера.

Машина, комсомолки с запахом дорогих духов, анекдоты — шло как в тумане, пока Голобоков не обнаружил себя в парилке, где голый же товарищ Грузильников с особенным ласковым умением охаживал его венчиком. Следующий кадр сознания — комната в диванах, где женские кадры ублажают его всеми мыслимыми и немыслимыми способами под аплодисменты небольшой толпы сенаторов в тогах, возглавляемых товарищем Грузильниковым.

Следующего кадра сознание не поняло, но даже при алкогольной анестезии было немного больно и, главное, очень непривычно и оттого неудобно. Уже много лет спустя покрылся на миг Голобоков холодным потом, слушая по вражьему голосу интервью режиссера Параджанова: «Все может простить советская власть, но полового члена в заднем проходе — никогда!»

Так Голобоков стал любовником самого лидера всесоюзной молодежи. В последующие вечера и сам Грузильников, и ребята из его окружения объяснили ему, что дело это обычное, ничего такого тут нет, и даже наоборот: эта мужская традиция идет в европейской культуре из ее колыбели, древних Афин, где у мужчин были любовники-юноши, и это только поощрялось. Сам Сократ любил Алкивиада, и любовь еще многих достойных мужей к Алкивиаду не помешала последнему стать гордостью Афин и занимать впоследствии высшие государственные должности. Сам великий Перикл рекомендовал формировать соединения гоплитов — тяжеловооруженных пехотинцев, гордости греческих армий — из любовников, потому что они будут заботиться друг о друге в походах и защищать друг друга в боях.

В вечер расставания Голобоков получил в подарок от товарища Грузильникова в подарок пишущую ручку с золотым пером «Монблан» и часы «Сейко». И впервые совершил с ним половой акт в качестве активной стороны.

Глава восьмая представляет собой апологию гомосексуализма, хотя интонации ее — это интонации оправдывающегося человека. Здесь говорится о Леонардо да Винчи и Лоуренсе Аравийском, Уайльде и Чайковском, Рудольфе Нуриеве и Тенниси Уильямсе. О том, что язык изощренных в наслаждениях французов имеет два совершенно различных слова для обозначения мужчины, склонного любить мужчин: «пидэ», что есть синоним презрительного слова «педераст», и «омо» — что означает мужчину мужественного во всем настолько, что даже любить он может только мужчину: «омо» может быть военачальником, государственным деятелем и так далее, и это очень достойно. Апофеозом «омо» является Ричард Львиное Сердце — кстати, француз по крови. Голобоков признается, что при контактах с вышестоящими лицами воображал себя «омо», особенно когда поднимался на следующую ступеньку карьеры... но всю жизнь его сопровождали приступы депрессии, когда сознание с подсознанием плясали в обнимку и всячески обзывали его именно «пидэ», и еще испанским словом «марикон». И в эти моменты вдруг телек «В мире животных» вдруг обязательно показывал, как главный самец-мартышка трахает в зад провинившихся подчиненных второранговых самцов, утверждая свою власть, — или дешевый детектив раскрывался на том месте, где знатные воры опускают новичка, опутывая его тем же способом.

Неестественным и притянутым за уши выглядит здесь псевдофилософское рассуждение о том, что в подобных же отношениях являло себя единство партии и комсомола в свете руководящей и направляющей роли партии. Потому что завязка собственно сюжетной линии книги, завязка интриги, не имеет никакого отношения к партийно-комсомольским связям. Напротив — поводом послужил спорт,

тот самый, который крепит тело и дух вне всякой зависимости с идеологией.

Сборная волейбольная команда области, где Голобоков был уже третьим секретарем обкома комсомола, выиграла первенство спартакиады республики. (Опустим неизбежные уже авторские ассоциации со Спартаком, гладиаторами и римскими нравами в свете однополого секса.) Чествование вернувшейся с победой из Москвы команды происходит на природе — неизбежный пикник с водкой и баней. О капитане команды, рослом румянном блондине, говорят как о перспективном работнике — он уже освобожденный секретарь крупного завода, хваткий, властный, умелый организатор, который и сколотил на основе костяка заводской эту команду, приведя ее к победе.

Желая поощрить капитана, Голобоков садится со стаканом в руке на травку рядом с ним, обнимает за мускулистые широкие плечи — и понимает по силе и властности, исходящим от этого совсем еще молодого человека, что роль лидера даже в этих минутных мимолетных отношениях между ними принадлежит не ему. Этот парень рожден властвовать и побеждать! И благодарность за поддержанную спортивную честь области, размягченность от выпитого, романтическая обстановка вечерней сибирской природы сливаются в каком-то теплом отношении к соседу.

И когда ночью, оглушенные оргазмом, они курят в темноте, с восторгом и ужасом понимает Голобоков, что это любовь: то пронзительное чувство единения, которое никогда не испытывал он с женщинами, влекущими его все меньше, и то острое счастье наслаждения, неведомое прежде с вялыми и рано ожиревшими кабинетными вожачками.

«Ты необыкновенный, — говорит ему новый друг. — Ты не такой, как все. Теперь мы должны быть вместе». И обнявшись, они поют — и соловьи вторят им над ночной ти-

хой рекой: «И так же, как в жизни каждый, любовь ты встретишь однажды! С тобою, как ты отважно, сквозь бури и он пойдет!..» Крепкое плечистое тело мужчины и звезд ночной полет.

Эта фраза заключает главу, и она же, с известной литературной изысканностью, вынесена в заголовок второй части: «Звезд ночной полет». Хотя встречи возлюбленных обычно происходили днем, чаще в безликих служебных кабинетах, на скользких кожаных диванах и угластных столах для заседаний.

У друга есть жена и дети. Он много работает, спит по пять часов в сутки. Но иногда случаются рыбалки в субботу, дальние командировки в районы с долгими вечерами в номере захолустной гостинички. Медленно, немногословно раскрывается друг перед Голобоковым: как раскрыл ему глаза на мужскую любовь массажист юношеской сборной города по волейболу, как умело возбуждал, разминая и массируя мышцы. А от тренера впервые услышал он в оригинале поэму Горького «Юноша и смерть».

И Голобоков понимает, что отдаст жизнь за этого человека. Но что он может реально для него сделать? И он решает отдать всего себя, чтобы сделать ему карьеру. Карьеру большую, великую. Все его знания, все связи, все понимание жизни и умение работать с людьми находят, наконец, достойную цель, абсолютное применение.

С удивлением узнает читатель, как много зависело в партийной иерархии от личных симпатий, от личных связей. Когда с любовницей расплачивались поездкой во Францию или должностью завмага — это было обычно и достаточно явно. Но когда вдруг ничего из себя не представляющий мужчина стремительно восходил по партийной лестнице — где решительно отсутствовали объективные критерии общественных заслуг, ибо вся конкретная

деятельность и вся ответственность лежала на хозяйственных администраторах, — это чаще всего вызывало непонимание непосвященных. Трудящиеся массы понятия не имели, чем вызвано выдвижение того или иного активиста. Никто, разумеется, не принимал всерьез поразительно пустые общие фразы о «трудовом пути» того или иного босса. Чем они там занимались за своими высокими заборами?..

Но то, что в молодости почти все они были симпатичны, что много среди них было мужчин рослых и сильных, распространяющих вокруг себя атмосферу мужского обаяния и мужской силы, — отмечал каждый, кто приближался к номенклатурному миру. (Посмотрите на нынешних партийных уродов... Разве это реальные кандидаты в правители?)

Кумир Голобокова был требователен и нетерпим. «Я не собираюсь делить тебя ни с кем», — жестко заявил он. На этом кончилась карьера нашего героя, на этом кончилась его семейная жизнь. Он был вынужден развестись. Он ушел с комсомольской работы. И стал верной тенью своего друга, слугой, оруженосцем, наперсником. Как змей-обольститель подводил он к боссу нужных людей, готовил их, привозил. Порой в нем вспыхивала ревность, но он усилием воли гасил ее вспышки. Он рассматривал свою деятельность как служение любви и одновременно служение родине — потому что был свято убежден в великой миссии избранника, великой роли, предуготованной ему историей страны.

А кумир бывал необуздан. Чего стоит одна история со сносом Лопатьевского дома, где был в девятнадцатом году расстрелян кем надо Великий князь финляндский и прочая! Молодой секретарь одного из райкомов комсомола, приближенный и обласканный, отказался сбривать бород-

ку, а растительность на лице не поощрялась в то время среди номенклатуры. Мягко объяснил ему Голобоков, что борода мешает полностью отдаваться некоторым ощущениям, и прикосновение жесткой мужской щетины бывает в некоторых случаях роковым. Тщетно!.. Так мало того, что на бородача навесили обвинения в развале всего, что можно было развалить, — в ярости искоренил босс все, что могло напомнить о непокорном гетеросексуале, который удивительно походил на Великого князя. «Саму память о тебе смету с лица земли!» — бросил он угрозу — и смел не только дачку бедолаги, но и старинный купеческий дом, легко замотивировав это политическими причинами. (Голобоков глубоко обосновывает невозможность для некоторых мужчин орального секса с бородатыми партнерами искажением сенсорных связей, ведущим к нарушению стереотипа возбуждения.) Точно так же становится понятным уничтожение Сталиным, никогда не носившим бороды, всей элиты революционеров: вспомним, практически все первое Политбюро состояло из мужчин бородатых. И только с этой точки зрения делается понятным бритые Петром Первым бород боярам — и уничтожение стрельцов, не пожелавших бриться. Грозное с тех пор приглашение: «Пожалуйста бриться!» проясняет теперь свой смысл.

И вот он стал Хозяином огромной области. Причем порядок в области был наведен жестокий. Любой ответственный работник знал, чем закончится разнос за неуспешное выполнение приказа. Бытовавшие среди руководства выражения «Вызвать на ковер» и «вставить фитиль» (иногда говорили «заправить фитиль») не нуждаются в дополнительной расшифровке. Иногда говорили образнее: «Поставить раком», или уж вовсе с римской прямоотой: «Вые...ь».

Но постоянным и любимым оставался он, верный Саша Голобоков. Любовники могли меняться — иногда это

была просто производственная необходимость. Но сердечная привязанность была одна.

В лирическом отступлении в третьей главе второй части автор с безыскусной силой подлинного чувства вдруг поднимается до высот, доступных ранее в веках лишь Сапфо. С выразительностью буквально библейской плачет он о загубленной карьере, прозябающей в нищете семье, ибо ничто они по сравнению со счастьем быть нужным любимому. Хотя, возможно, текстовой анализ может выявить здесь инородную вставку литобработчика, влюбленного в произведения Андре Жида и Марселя Пруста.

Но вот, обвыкнувшись в этом мире своих отношений и страстей, мы переходим к эпохе перестройки. Своеобразным прологом к третьей части служит экскурс в «Золотую ветвь» Фрэзера: читателю напоминают, что вождь племени сохраняет свое место лишь до тех пор, пока он способен явить свою не только общефизическую, но и сексуальную состоятельность и мощь — при появлении же признаков старения специально отряженная контрольная комиссия из жрецов и знатных воинов устраивала вождю ритуальное испытание: как может он покрыть всех своих жен, полагающихся ему соответственно высокому статусу. И если вождь успешно удовлетворял всех жен — его правление продляли на установленный законом срок. Если же жены были добросовестно не оттраханы — вождя убивали и съедали, на заполнение же вакансии устраивали выборы следующего.

Роль главного советского контрольного органа традиционно исполнял КГБ. Председатель КГБ тов. Андропов негласно-официально констатировал то, что было в общем явно всему племени (в смысле народу): престарелые члены Политбюро не отвечают своему изначальному смыслу и наименованию, членами могут именоваться лишь в сугубо лингвистическом смысле, не будучи в мужских силах удо-

влетворить даже воспитательницу детского сада. Памятное всем по бесчисленным газетным отчетам «чувство глубокого удовлетворения» носило отчетливый характер сакрального заклинания, когда формула ритуала была призвана заместить суть действия. Пущенное позднее в оборот определение «застой» было стыдливо-лицемерным эвфемизмом слова «залег». Итак, на смену протухшей плоти одряхлевших вождей был призван человек молодой, не только всегда гладко выбритый, но для усиления эффекта и вовсе лысый.

Естественно и закономерно, что новый вождь взошел на престол через то место, где отдыхали и развлекались вожди прежние. То-есть не один год он проходил испытание, давая верховным комиссиям возможность убедиться в своих способностях.

Но СССР — это вам не полинезийское племя, и даже самый могучий канак (в тексте опечатка: «кунак») не мог бы здесь справиться в одиночку. Началась ротация партийных и руководящих кадров (членов).

Итак, голобоковского кумира переводят на резкое повышение в Москву. Кумир еще нестар и отличается мощью, и перетаскивает за собой в Москву нескольких самых близких партнеров из области, которым построил приличные карьеры.

И вот здесь сцены ревности, интриг, борьбы за любовь и внимание любимых разворачиваются в полную мощь с поистине шекспировской силой. К сожалению, полное отсутствие шекспировского таланта превращает собственно текст в нечто среднее между сортировкой белья и доносом в полицию нравов.

Сам Голобоков сразу оказывается на третьих ролях: так выстарившаяся верная жена в султанском гареме с ревнивой гордостью заботится устройством любовных дел пове-

лителя, лично отбирая кандидатов и консультируя насчет проведения достойных в фаворитки, переживая любовные сложности хозяина болезненнее его самого.

Связь голобоковского кумира с руководителем правительства послужила истинной причиной его опалы и отставки. Тягостен вечер их объяснения, когда предсовмина объясняет, что генсек ревнует его, и это может иметь самые тяжелые последствия. Вот тогда впервые в жизни напивается до беспамятства будущий президент, и «с досады», как говорят французы, отдается начальнику своей охраны. Последствия пьяного контакта, как часто случается в жизни, будут иметь далеко идущие последствия для обоих...

Дело в том, что отличающийся гипертрофированными мужскими чертами президент не терпел для себя пассивной роли ни в каких отношениях. В области он был полновластный хозяин, вызовы же в Москву были редки, причем отношения с бессильными союзными старцами сводились к символическим актам признания их главенства. Таковы были условия игры. Общение со старцами никак не могло уронить мужской авторитет будущего президента, как первую даму двора не может уронить номинальное сожительство со знатным старцем, данным ей в мужья и обходящимся собственной спальней. Но молодой генсек был активен и potentен, и после каждого совещания в Кремле будущий президент искал дома забвения в алкоголе, крушил мебель и кричал, что мог бы отдаться победителю на поле боя, ибо таков мужской закон и здесь нет унижения, но если всякий тракторист и спиномой!.. и, чтобы как-то ослабить комплекс, призывал своего массивного мордovorота-охранника.

Развязка наступила во время оперы «Кармен» в Большом театре. Когда Хозе вытащил нож, сидевший в прави-